

Л.А.АРУТЮНЯН,
действительный член
Армянской академии наук,
доктор философских наук

Социальные трансформации в Армении:
сравнительный анализ

Хотелось с самого начала согласиться с тем, что категория "постсоветский мир" функциональна в том смысле, что позволяет рассматривать страны постсоветского мира как части некоего целого, развивающегося по единым канонам и обладающего своеобразной идентичностью. Но существует ли в

реалии это единство или оно — часть наших привычных представлений? Для ответа на этот вопрос потребуются не одно социологическое исследование. Но уже сегодня можно говорить о схожести процессов, протекающих в разных странах постсоветского мира. Если провести параллель между трансформационными процессами различных постсоветских стран, то можно обнаружить сходство прежде всего в их направленности, в том, что в целом они служат задаче модернизации и доводят до логического конца многие, в силу известных причин задержавшиеся в своем развитии, социальные процессы.

В подавляющем большинстве стран постсоветского мира социальные трансформации пока не дали желаемых результатов. Одной из причин тому является то, что социальные метаморфозы лишь в своей малой части были результатом осознанного целеполагания. В подавляющем большинстве стран постсоветского мира целенаправленные реформаторские действия сосуществовали и дополнялись стихией спонтанности, которая придала трансформационным процессам лавинообразный и малоуправляемый характер. Кроме того, многие феномены, возникшие в странах постсоветского мира на волне трансформации явились "социальными мутантами", несущими в себе, наряду с новыми, генетические черты советской реальности, отвечающие интересам не только устремленных в будущее, но и отживающих свой век социальных групп. Однако было бы неверно объяснять недостаточную результативность трансформационных процессов лишь их спонтанностью и малоуправляемостью. По-видимому, немаловажно и то, что эти процессы имеют место в аномичных обществах, которые плохо поддаются реформированию в силу своей атомизированности, нестабильности, а также в подавляющем большинстве случаев оказываются перед множеством вызовов, несовместимых целей и интересов. Здесь и тяга властей к авторитаризму; и использование репрессивных социальных технологий, обусловленное неосвоенностью демократической культуры; и сложность построения собственной государственности; и попытка форсировать процессы формирования гражданского общества; и институциональная демократизация, подталкиваемая социальными стремлениями скорее использовать открывшиеся возможности для претворения в жизнь десятилетиями звучавших лозунгов демократии и социальной справедливости; и груз застарелых конфликтов; и давление мирового сообщества, членами которого стали страны постсоветского мира; и жесткая борьба несовместимых интересов; и многие другие вызовы, требующие ответа в сжатый исторический срок.

Перечень причин малой результативности трансформационных процессов можно продолжить. Однако, даже если согласиться с тем,

что социальные трансформации действительно оказались нецеленаправленными и не вполне эффективными, то все же нужно признать, что они изменили лицо и траекторию развития не только отдельных стран, но и целого мира, называемого постсоветским.

При внимательном рассмотрении траектории развития стран этого мира в последние годы нетрудно заметить, что уже преодолены этапы разбегания и рассеивания, выбора дальнейшего пути и становления новых интеграционных ориентаций. За небольшой исторический срок новые независимые страны имели возможность соизмерить собственные притязания и ресурсы, обозреть обострившиеся проблемы, почувствовать трудность их разрешения и силу своей привязанности к тому миру, от которого еще недавно хотели уйти. Это активизировало поиски: в одних случаях — возможности примкнуть к альтернативным интегративным сообществам, в других — наиболее приемлемой модели новой интеграции стран постсоветского мира.

Для того, чтобы показать ситуацию с интеграционными ориентациями стран постсоветского мира, обратимся к данным социологического исследования "Евробарометр", в котором гражданам стран Восточной Европы и СНГ ежегодно задается вопрос: "С кем Вы связываете будущее Вашей страны?" Судя по ответам на этот вопрос, интеграционные ориентации населения стран постсоветского мира очерчиваются достаточно четко (табл. 1).

С кем Вы связываете будущее Вашей страны?
(В % к числу опрошенных в каждой стране; 1995 г.)

Таблица 1

Страны	С Россией	С США	Со странами Западной Европы	С другими европейскими странами	С Турцией	Со своей страной
Армения	76	11	3	1	—	3
Беларусь	68	5	7	5	—	2
Украина	54	14	10	6	1	6
Казахстан	53	4	3	3	19	5
Грузия	34	14	15	8	9	8
Латвия	24	8	33	17	—	3
Эстония	17	5	45	24	—	2
Литва	16	7	30	17	—	3
Россия*	25	12	3	1	5	—

* 35% опрошенных россиян связывают будущее своей страны с другими странами СНГ.

Частота ответов, указывающих на ту или иную страну, с которой связывают будущее своей страны респонденты исследования, в том числе ответа: "Будущее зависит от нас самих", не оставляет сомнений относительно интеграционных ориентаций стран, образовавшихся после распада СССР. Судя по ним, прибалтийские страны ориентированы на интеграцию с европейскими странами; Армения и Республика Беларусь — с Россией; интеграционные ориентации Украины, Казахстана, Грузии пока не имеют окончательных очертаний. Если попытаться спрогнозировать изменение интеграционных ориентаций на ближайшее будущее, то можно сказать, что в дальнейшем отказ России от идеологического доминирования, возможности, открываемые для новых независимых государств в связи с установлением прозрачных границ и единого экономического, правового и оборонного пространства, трудности интеграции с западным сообществом, по-видимому, будут усиливать ориентацию стран постсоветского мира на интеграцию с Россией.

Однако вернемся к трансформационным процессам. Анализ социологических данных свидетельствует о том, что процессы, происходящие в странах постсоветского мира, при всей своей схожести, не тождественны. Накладываясь на исторически конкретную ситуацию, эти процессы приобретают неповторимые черты и специфичность, что дает основание говорить о существовании различных трансформационных моделей. Уже сегодня можно разграничить такие модели, действующие в прибалтийских странах, ряд российских моделей, модели, которые выражают особенности трансформационных процессов в странах Закавказья и Средней Азии. Описание этих моделей требует специальных исследований. Опережая их, можно сказать, что специфика, например, армянской модели социальной трансформации проявляется в большей радикальности процессов формирования частной собственности, завершения процесса приватизации земли, ускоренности процесса Адаптации населения к рыночным условиям, меньшей социальной Напряженности внутри страны, несмотря на болезненность процесса формирования новых социальных структур и институтов.

Эти особенности армянской модели социальной трансформации обусловлены сочетанием таких обстоятельств, как амортизирующее воздействие России, помощь армянской диаспоры, которая передает накопленный ею опыт хозяйствования в условиях свободного рынка, наличие внешнего конфликта, особенности политической жизни страны и т.д.

Хотелось бы подробнее остановиться на роли России. Начну с того, что отношения Армении и России сегодня достаточно уравновешены. Россия вернулась на границы СССР, русские войска совместно с армянскими защищают южную границу СНГ. Россия

обеспечена выходами в сторону Ирана: одним — через Армению, вторым — через Нагорно-Карабахскую республику. В лице Армении Россия обрела надежную точку опоры в ближневосточной политике. Со своей стороны Армения, благодаря стабильно хорошим отношениям с Россией, получила защиту, в которой остро нуждалась, вернула себе традиционные "роли" "защитника" южных рубежей России и "границ" христианского мира. Эта часть взаимоотношений России и Армении очевидна. При социологическом анализе, по-видимому, необходимо принимать во внимание роль того невидимого спектра, который вбирает в себя, например, прием Россией армянских беженцев или отсасывание из Армении предпринимательского капитала и профессионалов высшей квалификации; терпимое отношение к переезду из Армении в Россию старой политической элиты, избыточной рабочей силы и других социальных групп, которые потеряли свою социальную нишу в Армении; отсутствие препятствий для вывоза части прибыли, создаваемой в России. По результатам мониторинга бюджета армянской семьи, который спонсировался Интерцентром и предоставил нам возможность глубоко проанализировать уровень жизни армянской семьи, за что я выражаю большую благодарность, Армения сегодня является не производящей, а потребляющей страной. Достаточно большая часть семей живет за счет поступлений от родственников, живущих за пределами Армении. Без терпимого отношения России это вряд ли могло произойти. А то, что Россия негласно согласилась принять армянскую старую политическую элиту и тем самым отстранить ее от непосредственного участия в дележе собственности и властных позиций в Армении, дало возможность сформироваться новой армянской элите и снизить социальное напряжение в Армении, ослабив силу такого серьезного конфликта как борьба старой и новой элит.

Было бы неверно идеализировать этот процесс и представлять дело таким образом, что отсасывание старой элиты в Россию специально задумывалось для амортизирования трансформационного процесса в Армении. На самом деле он происходил тяжело, с большими моральными и материальными издержками даже при его подкреплении армянским капиталом. Положение армянской экономической элиты в России нельзя считать стабильным и сегодня хотя бы из-за постоянных всплесков национализма в России и дани, отдаваемой репрессивным социальным технологиям. Нелишне отметить, что в образе сегодняшней России, по мнению специалистов из ближнего зарубежья, доминируют переменчивость, противоречивость и непоследовательность. Россия стремится сохранить свои прежние границы и продолжать быть интегрирующим центром и доминантой на всем постсоветском пространстве. Однако она слабо подкрепляет свои амбиции и притязания экономическими,

политическими и социальными действиями. Имея огромные территории, потребности в предпринимательском капитале и мобильной рабочей силе, Россия оказывается неспособной создать условия для их успешной деятельности. В силу этого она рискует стать лишь перевалочным пунктом для экономических элит и капиталов из стран постсоветского мира, которые будут плыть дальше в поисках более благоприятных условий для своего функционирования.

Для того чтобы завершить часть, связанную с геополитическим фактором, отмечу, что в силу своего геополитического положения Армения претерпевает наряду с Россией воздействие как минимум еще пяти сил притяжения — Европейского сообщества, Ирана, Турции, Китая и США, которые всеми возможными способами стремятся утвердиться в качестве единственного полюса мира. Весьма интересна смена схемы регуляции. Раньше власти Армении получали из центра детально расписанные программы действия. Командно-административная система на местах обеспечивала следование директивам и тем самым воспроизводило всю систему. Сейчас нам не навязываются идеология и программы, но регулятивное воздействие кредитов оказалось намного более действенным, чем директив. По сути, в несколько иной форме повторяется тот же процесс. Отсутствие открытого экспорта идеологии и прямого административного диктата не отменяет самого факта регулирования нашего поведения извне через систему экономических и финансовых рычагов, которые оказываются достаточно эффективными.

И, наконец, несколько слов о такой силе притяжения регионального значения, какой является Иран. Не имея возможности идеологически воздействовать на Армению, Иран заполнил все ее экономическое пространство, и через экономические рычаги очень серьезно влияет на этот регион. Поэтому вряд ли стоит недооценивать силу притяжения, излучаемую на наш регион Ираном.

Возвращаясь к процессам социальной трансформации, хотелось бы отметить, что одним из наиболее важных здесь является процесс адаптации. Социологический мониторинг армянской оемьи позволяет ответить на вопрос, каким образом приспособляются к рыночной экономике представители различных социальных групп. Оказалось, что люди, называемые "новыми богатыми", имеют огромный адаптивный ресурс и полностью используют его. Этот ресурс формируется из накопленного капитала, а также переданных социальных связей и ценностей, которые дают возможность людям стать социально мобильными и быстрее адаптироваться к новым порядкам, лучше ориентироваться в новой системе социальных ролей. Серьезную роль играет и знание условий рынка, правил игры. Чтобы убедиться в этом, достаточно сравнить ответы респондентов на вопрос: "Что Вы сделали для того, чтобы выжить?" В

ряду ответов "новых богатых" преобладают: "искали работу", "нашли работу", "торговали", а "новых бедных": "экономили", "надеялись на увеличение заработной платы", т.е. пассивность и выжидание. Обозревая процесс адаптации в странах постсоветского мира, можно сказать, что социальная помощь, оказываемая более мобильным группам населения, должна была заключаться прежде всего в информировании, в обучении правилам новой игры.

Как и в других странах постсоветского мира, в Армении резко увеличилось социальное расслоение. Для выявления различия между слоями были сопоставлены значения коэффициентов дифференциации. В частности фондового коэффициента дифференциации (K_f), определяемого как соотношение средних доходов 10% респондентов с наиболее высокими и низкими доходами, децильного коэффициента дифференциации (K_d), показывающего соотношение уровней доходов, ниже и выше которых располагается по 10% респондентов, и коэффициента Джини (K_j), характеризующего степень неравенства распределения доходов. Сравнение этих коэффициентов подтвердило наличие в Армении серьезной дифференциации населения как по доходам, так и по расходам. Фондовый коэффициент дифференциации уже весной 1994 г. свидетельствовал о том, что доходы 10% городских семей с высоким уровнем благосостояния в 35 раз превышали доходы 10% таковых с наиболее низким уровнем благосостояния. Значение коэффициента Джини для того же периода было равно 0,8, что свидетельствует о глубокой поляризации общества. Но, как мы уже не раз убеждались, классические методы описания и измерения социальных феноменов, эффективные в условиях стабильного общества, недостаточны для транзитивного общества. И действительно, когда при измерении социальных дистанций были учтены факторы, интегрирующие такие дополнительные параметры благосостояния, как домашнее имущество, субъективная оценка уровня благосостояния и т.д., дистанции между богатыми и бедными уменьшились: благосостояние самых богатых семей превысило благосостояние самых бедных в 25 раз.

Наконец, несколько слов о культуре бедности, которая является характерной особенностью постсоветского пространства. В СССР бедность была социально-экономическим феноменом, но не было бедности как культурного явления. Сегодня мы становимся свидетелями распространения культуры бедности. Слой населения, который не только быстро обеднел, но и не надеется и не предпринимает серьезных усилий для того, чтобы выйти из этой ситуации, живет за счет государственной либо гуманитарной помощи, уже является культурно-бедным. Удельный вес этого слоя населения возрастает, и это, на мой взгляд, является одной из самых тревожных проблем современного постсоветского пространства.